

На правах рукописи

Денильханов Исмаил Султанович

Воздействие капиталистического уклада на традиционное общество (на примере Чечни второй половины XIX – начале XX вв.)

Специальность 5.6.1. Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Пятигорск – 2025

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Лазарян Сергей Степанович

Официальные оппоненты: **Немашкалов Павел Григорьевич**
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории и
методики истории и
обществознания ГБОУ ВО
«Ставропольский государственный
педагогический институт»

Маньшев Сергей Борисович
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института
региональных исторических
исследований Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Ведущая организация: ФГБУН «Калмыцкий научный
центр Российской академии наук»

Защита диссертации состоится «12» сентября 2025 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.398.04 при ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, корп.20, ауд. 312.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1 и на сайте: <https://ncfu.ru/upload/medialibrary/fdd/0g9kn3bs4keqbil4d5csbkoznoj4c52e1/Disser-tatsiya-Denilkhanov-I.S.pdf>

С авторефератом можно ознакомиться на сайте СКФУ: <https://ncfu.ru/nauka/dissertatsionnye-sovety/obyavleniya-o-zashchite-dissertatsiy/31617/>

Автореферат разослан « ___ » _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Т.А. Колосовская

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется важностью политических, экономических, социокультурных и иных трансформаций, которые переживали в прошлом и в которые вовлечены сегодня северокавказские этнические сообщества. Особенное внимание привлекают исторические вызовы, сопровождавшиеся масштабными потрясениями травматического характера, которые не только вынуждали участвовать в процессах адаптации традиционного уклада жизни к изменявшимся параметрам существования, но и переосмысливать базовые постулаты унаследованной картины мира.

За последние 200 лет северокавказским обществам пришлось пережить несколько культурных травм, которые циклически потрясли их жизненное пространство. Реализуя разные сценарии совладания с травматической ситуацией, выходящей за рамки предписанной традиционности, горские общества вынуждены были аккумулировать весь свой витальный потенциал для того, чтобы найти удобную и мотивирующую форму организации перспективного общественного бытия.

Капиталистическая трансформация, как средство коренного обновления общественного устройства, в которой принимали участие народы Северного Кавказа, оставалась одним из приоритетных направлений советской историографии. Однако труды советских историков, удостоенные заслуженного авторитета, в настоящее время нуждаются в переосмыслении с точки зрения новейших достижений исторической науки. Представляется перспективным исследовать последствия воздействия капиталистических отношений на традиционные горские общества, которые порождали в них состояние социокультурного травматизма и долговременной фрустрации.

Добиваясь успешного решения исторической задачи, кавказские общества не только сохраняли достигаемые позитивные результаты в качестве наследия, но транслировали полученный опыт, в качестве базы позитивного инструментария, который может иметь большое значение для всех жителей региона.

Объектом исследования являются чеченские традиционные общества, находившиеся в посттравматическом состоянии и подвергавшиеся воздействию капиталистического уклада.

Предметом исследования выступают политические, экономические и социально-культурные процессы, связанные с вовлечением традиционных чеченских обществ в систему капиталистических отношений.

Степень научной разработанности темы. Заявленная тема изначально предполагала междисциплинарный характер исследования, поскольку рассматривая ход становления капиталистического уклада в регионе Северного Кавказа в пореформенный период 60-70-х гг. XIX в., автор не мог не обратиться к классическим трудам М. Вебера,

определившего связь и природу «духа капитализма»¹ или к работе К. Поланьи², посвященной узловым этапам формирования капиталистического индустриального общества. Они были той научной базой, от которой автор отталкивался, исследуя проблемы проникновения капиталистического уклада в жизнь чеченского традиционного общества.

Кроме того, проблемы существования традиционных социальных структур в условиях посттравматического развития, бывшего результатом и реакцией на капиталистическую модернизацию, выходят за рамки собственно исторической науки. Важнейшие аспекты данной проблематики рассматриваются в рамках социологии³ или социальной психологии⁴. Именно в рамках данных социальных дисциплин с наибольшей глубиной были выявлены сущность концептов «культурная травма» и «посттравматическое состояние», опираясь на которые автор сформулировал свое видение данных процессов и состояний.

Немало эмпирического материала по тематике капиталистического развития на Северном Кавказе было почерпнуто из трудов Л.В. Куприяновой⁵, М.М. Блиева⁶, Я.З. Ахмадова и Э.Х. Хасмагомадова⁷, А.И. Хазбулатова⁸, непосредственно отображавших картину и результаты проникновения капиталистических отношений в средучеченских традиционных родовых общин.

Другой аспект, связанный с реагированием горских (чеченских) обществ, переживавших посттравматическое состояние, на вторжение в их жизненное пространство инокультурных агентов, в той или иной степени были отражены в ряде трудов отечественных кавказоведов⁹. Им удалось

¹ Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / изд. 2-е, доп. и испр. Москва: РОССПЭН, 2006. 656 с.

² Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени/ Пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова, А.П. Шурбелева. Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. 320 с.

³ Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121-138; Быховец Ю.В. Феномен посттравматического роста // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, Н.Е. Харламенкова. Москва: Институт психологии РАН, 2016. С. 214-226.; Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. Под ред. В.А. Ядова. Москва: Аспект Пресс, 1996. 416 с.; Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16; Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3-12.

⁴ Гусельцева М.С. Культурно-психологическая травма как фактор риска в становлении гражданской идентичности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2017. № 4 (10). С. 8-23; Маккуббин Л.Д. Историческая травма и жизнеспособность: адаптация, благополучие, здоровье // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. Москва: Ин-т психологии РАН, 2016. С. 129-143.

⁵ Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. К проблеме развития капитализма вширь. Москва: Наука, 1981. 232 с.

⁶ Блиев М.М. Горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. Москва: Мысль, 2004. 877 с.

⁷ Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX века. Москва: Пульс, 2005. 996 с.

⁸ Хазбулатов А.И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (конец XIX- начало XX вв.). Москва: Дело, 1994. 126 с.

⁹ Марков Е. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. Санкт-Петербург – Москва: Товарищество М.О. Вольф, 1887. 706 с.; Ковалевский П.И. Восстание Чечни и Дагестана в 1877-1878 гг. Санкт-Петербург, 1912. 95 с.; Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70 годы XIX века). Москва: МГУ, 1955. 116 с.; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Москва: Русская панорама, 2001. 448 с.; Лазарян С.С.

показать не только процессы такого реагирования, но и выраставшие из него эксцессы, например, восстание 1877 г., имевшего целью возрождение традиционных устоев в горском мире.

Часть научных работ посвящена действиям Российской империи по внедрению в северокавказский регион социокультурных новаций, которые транслировались имперскими агентствами в условиях посттравматического состояния, переживаемого горскими, в том числе, чеченскими обществами. Имперские власти стремились воспользоваться ситуацией, которая способствовала преодолению традиционной социокультурной иммунности кавказских народов из-за произошедшей некоторой девальвации прежних социокультурных механизмов, охранявших местную идентичность¹⁰.

Различные аспекты хозяйственного уклада чеченцев рассматривали уже авторы имперского периода российской истории, которые пристально следили за тем, как горцы, казавшиеся непримиримыми противниками российской власти и привносимым ею переменам, вполне успешно участвовали в экономической жизни региона и добивались значительных результатов в земледелии, которое постепенно приобретало товарные черты¹¹. Особенности земледельческой культуры горских народов продолжали долгое время оставаться в центре внимания учёных¹². В этой связи традиционно высокий интерес существовал и к изучению сферы поземельных отношений, которые не раз становились причиной конфликтных ситуаций в крае¹³.

Местные скотоводы не только освоили кавказский рынок, но и экспортировали товар за пределы края, о чём говорила приводимая множеством исследователей-современников статистика¹⁴. Значительный вклад в изучение аграрных процессов в Чечне внёс уже ранее упомянутый исследователь А. И. Хасбулатов, всеобъемлюще представив эту часть жизни горцев¹⁵.

Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. Пятигорск: РИА КМВ, 2009. 248 с.; Гагагова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860-1917. Москва: Новый хронограф, 2016. 448 с.

¹⁰ Семёнов Н. Туземцы Северного Кавказа. Санкт-Петербург, 1895. 487 с.; Руновский А.И. Записки о Шамиле. Москва: Внешторгиздат, 1989. 175 с.; Боханов А.Н. Император Александр III. Москва: Русское слово, 1998. 512 с.; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. Москва: Русская панорама, 2001. 448 с. и др.

¹¹Вроцкий Н.А. Чечня как хлебный оазис. Канализация её // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 270-276 и др.

¹²Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. Москва: Наука, 1981. 248 с. и др.

¹³Овчинникова М.И. К истории уравнительного распределения земли в Чечено-Ингушетии в 1918-1922 годах // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы при Совете министров Чечено-Ингушской АССР. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1965. С. 60-74; Рамазанов Х.Х. Проведение земельной реформы в горских районах Северного Кавказа // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX – начале XX в. Сборник научных трудов. Краснодар, 1987. С. 34-45; Ратушняк В.Н. Земельная аренда на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX в. // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX – начале XX в. Сборник научных трудов. Краснодар, 1987. С. 86-110 и др.

¹⁴Вермишев Х.А. О скотоводстве на Кавказе, в связи с пастбищным вопросом // Материалы для устройства казённых летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Тифлис, 1887. Т. I. 85-106 и др.

¹⁵ Хасбулатов А.И. Вовлечение сельского хозяйства Чечено-Ингушетии в капиталистическое развитие России (II половина XIX – начало XX века) // Вопросы политического и экономического развития Чечено-

Как правило, местное хозяйство старались рассматривать в комплексе, затрагивая различные стороны сбалансированной горской экономики¹⁶. Такой подход был унаследован и сохранился в советском и постсоветском кавказоведении¹⁷.

Особое внимание уделялось рассмотрению развития промыслов¹⁸. Они выявили готовность части чеченского социума отказаться от привычного сельскохозяйственного уклада и сосредоточиться на ремесленном производстве, весьма перспективном в новых исторических реалиях.

Социально-экономические особенности развития региона относились к числу приоритетных направлений в науке в советский период. Связано это было с политизацией проблемы, что не могло не отразиться на общих выводах авторов. Вместе с тем эти работы отличаются фундаментальностью и значительным информационным наполнением¹⁹.

Сословный вопрос, который в рассматриваемый период играл всё большую роль в жизни чеченского общества в связи с происходящими капиталистическими трансформациями не раз становился предметом изучения кавказоведов. В советское время эти процессы трактовались с позиции господствующей тогда идеологии, что предопределило некоторую заданность выводов авторов²⁰.

Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986. С. 115-133; Хасбулатов А.И. Аграрный вопрос в политике царизма в Чечено-Ингушетии во II пол. XIX – нач. XX в. // Чечено-Ингушетия в политической истории России и Кавказа в дореволюционном прошлом: Сборник научных статей. Грозный, 1990. С. 5-28; Хасбулатов А.И. Аграрные преобразования в Чечне и Ингушетии и их последствия (XIX – начало XX века). Москва: МГОУ, 2006. 276 с. и др.

¹⁶ Максимов Е. Чеченцы. Историко-географический и статистико-экономический очерк // Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 3-100; Иваненков Н.Е. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области // Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому Календарю» 1911 г. / Под ред. М.А. Караулова. Владикавказ, 1910. Вып. VII. 224 с. и др.

¹⁷ Мужев И.Ф. Горцы Северного Кавказа в период империализма (социально-экономический очерк). Нальчик: Кабардино-Балкарский университет, 1965. 93 с.; Бакашов А.В. Экономическое развитие Чечни в пореформенный период (вторая половина XIX в.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 1. Ч. 2. С. 39-43.

¹⁸ Маркграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. 248 с.; Вертепов Г.А. Очерки кустарных промыслов в Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1897. Вып.4. С. 1-33; Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. Санкт-Петербург, 1913. 128 с.; Мамбетов Г.Х. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. 112 с.; Горчханова Г.А. К состоянию кустарных промыслов и обрабатывающей промышленности в пореформенной Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986. С.77-86.

¹⁹ Хасбулатов А.И. Социально-экономические отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии на рубеже XIX-XX веков // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI - начало XX в.). Грозный, 1979. С.138-163; Ортабаев Б.Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Великого Октября. Владикавказ: Ир, 1992. 247 с.; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста: Джангар, 2002. 528 с. и др.

²⁰ Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Характер сословных отношений в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси: Мецниереба, 1968. С. 127-164; Харадзе Р.Л. Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси: Мецниереба, 1968. Вып. 2. С.165-198; Ахмадов Х.С. Царская администрация и вопрос о сословиях в чечено-ингушском обществе второй половины XIX

Отдельно следует выделить труды, посвящённые общественным конфликтам, которые были неминуемы в динамично меняющемся мире. Капиталистическая модернизация привела к имущественному и социальному расслоению в обществе, провоцируя в нём череду столкновений²¹.

Заметную роль в изучении чеченского рода – тайпа – сыграл труд М.А. Мамакаева, ставший примером комплексного изучения этого важного общественного института в жизни чеченцев²². Родовые отношения в динамике их развития рассматривались и другими авторами²³.

Изменения в сфере культуры весьма наглядно репрезентировали те процессы модернизации, в которые были втянуты народы Северного Кавказа. Их можно проследить на примере устройства поселений и домов, видов одежды, развития языка, семейных отношений и т.п.²⁴. Такие перемены были весьма болезненными для немалой части общества, опасавшейся утраты традиционных ценностей. Вместе с тем формирующийся капиталистический уклад открывал перед чеченцами новые перспективы развития, которые были связаны с тесной интеграцией в общеимперское культурное пространство²⁵. Отдельно следует выделить проблему развития светского образования,

– начале XX вв. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1988. С. 301-304; Ахмадов Х.С., Горчханова Г.А. Сословно-поземельный вопрос в пореформенной Чечено-Ингушетии // Чечено-Ингушетия в политической истории России и Кавказа в дореволюционном прошлом: Сборник научных статей. Грозный, 1990. С. 46-61; Ахмадов Ш.Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – начало XX в.). Грозный, 1979. С. 49-69; Кокурхаев К.-С. А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей. Грозный: Книга, 1989. 112 с. и др.

²¹ Гриценко Н.П. Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX – XX веков. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1971. 108 с.; Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской Социалистической революции. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1972. 279 с.; Хорув Ю.В. Классовая борьба крестьян Терской области на рубеже XIX – XX веков. Орджоникидзе: СОГУ, 1978. 81 с.; Гриценко Н.П., Хасбулатов А.И. Классы и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в XI-XIX вв. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – начало XX в.). Грозный, 1979. С. 8-30; Невская В.П. Перемены в общественном строе горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX века). Материалы Всероссийской научной конференции, (2-3 октября 1979 г., г. Грозный). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1982. С. 323-334 и др.

²²Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный: Книжное издательство, 2009. 111 с.

²³Косвен М.О. Семейная община и патронимия. Москва: АН СССР, 1963. 220 с.; Невская В.П. Сельская община и процесс феодализации горских обществ Северного Кавказа // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1988. С. 53-60; Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1988. С. 6-20 и др.

²⁴Цаликов А.Т. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. Москва, 1913. 185 с.; Миллер А. Черкесские постройки // Материалы по этнографии России / под ред. Ф.К. Волкова. Санкт-Петербург, 1914. Т. II. С. 57-78; Хачиров А.К., Орлова В.П., Кесаев В.А. Новые традиции и борьба с пережитками в сознании людей. Орджоникидзе, 1973. 108 с.; Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX-XX в.). Москва: Наука, 1983. 264 с.; Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII-XX вв. Москва: Наука, 1989. 288 с. и др.

²⁵Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народов). Санкт-Петербург, 1895. 487 с.; Дударев С.Л. «Чужой среди своих»: страницы из дневника гимназиста 1870-х гг. глазами современного историка // К истории Северного Кавказа XVIII – начала XXI века. Сборник научных статей и рецензий. Армавир: АПИУ; Ставрополь: Дизайн-студияБ, 2022. С. 97-104 и др.

просвещения и печати в крае, а также характер и степень влияния этих сфер на жизнь горцев региона, неоднократно поднимаемую исследователями, начиная с имперского периода и до наших дней включительно²⁶.

Внимание исследователей акцентировалось и на особенностях протекания политических процессов на Северо-Восточном Кавказе. В частности, изучались методы организации протестного движения, которое нередко принимало крайние формы и доходило до вооружённого противостояния властей и общества²⁷. Особенно важными здесь видятся события восстания 1877 - 1878 г., как наиболее массового со времён имамата²⁸. Среди представленных трудов выделяются исследования Ю. Ю. Карпова и Л. С. Гатаговой, посвящённые природе насилия на Кавказе²⁹. Данную проблему перспективно изучать, опираясь на примеры судеб людей, которые благодаря своим лидерским качествам добились авторитета и стали предводителями и выразителями чаяний отдельных групп населения³⁰. В местных условиях идеология протеста, как правило, приобретала религиозное звучание, и если говорить о Чечне, то в рассматриваемый период она приняла формы «зикристского» движения, получившего распространения благодаря деятельности Кунта-Хаджи Кишиева³¹.

Обобщающие работы по истории Северного Кавказа, в том числе и Чечни, дают представление о разных сторонах прошлого местных народов и касаются вопросов, непосредственно относящихся к интересующему нас периоду³².

²⁶ Неверов Я.М. К вопросу об образовании инородцев (Письмо в редакцию) // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Декабрь. Ч.СXLVI. С. 123-134; Услар П. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III. Разд. IV. С. 1-30; Романовский В. Развитие учебного дела на Кавказе и в бывшем царстве грузинском в XIX веке // Кавказский вестник. Тифлис, 1901. № 11. Ч.V. С. 1-13; Хоруев Ю.В. Печать Терека и царская цензура. Орджоникидзе: Ир, 1971. 192 с.; Ахмадулин Е.В., Станько А.И. Региональная печать Дона и Северного Кавказа XIX – начала XX вв. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2014. 372 с. и др.

²⁷ Эриксон Э.В. Об убийствах и разбоях на Кавказе // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма / под общей редакцией В.М. Бехтерева, В.С. Серебrenникова. Санкт-Петербург, 1906. Вып. I. С. 48-74; Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. (Исторические очерки) / Под ред. В.Б. Виноградова. Пятигорск: РИА-КМВ, 2006. 211 с.

²⁸ Хроника чеченского восстания 1877 года // Терский сборник. 1891. Вып. I. Отд. II. Литературно-научный. Владикавказ, 1890. С. 3-92; Ковалевский П.И. Восстание Чечни и Дагестана в 1877-1878 гг. Зелим-Хан. Санкт-Петербург, 1912. 95 с.

²⁹ Карпов Ю.Ю. Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа // Антропология насилия / Ответственные редакторы В.В. Бочаров и В.А. Тишков. Санкт-Петербург: Наука, 2001. С. 221-262; Гатагова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860-1917. Москва: Новый хронограф, 2016. 448 с.

³⁰ О жителе Ичкеринского округа, Терской области, аула Харачой, Таза Эмирзаеве // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Т. IV. Разд. IV. С. 55-62; Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2010. 276 с.; Тахнаева П.И. Наиб Байсунгур из Беноя (по страницам биографии) // Кавказский сборник. / Под ред. В.В. Дегоева. Москва: Русская панорама, 2015. Т. 9 (41). С. 67-75; Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи Кишиев в духовной культуре чеченцев: основные вехи жизни, суть учения и его современное значение // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 1. С. 95–108 и др.

³¹ Ишполитов А.П. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Т. II. С.1-17; Крымин А.В. Тарикат // Кавказский сборник. / Под редакцией Н.Ю. Силаева. Москва: Русская панорама, 2004. Т. 1 (33). С. 137-148 и др.

Целью данной работы является выявление и исследование способов и степени воздействия капиталистической трансформации на чеченские традиционные общества, находившие в состоянии поствоенной социокультурной фрустрации.

На основании заявленной цели были сформулированные следующие **задачи**:

- Проследить социальные изменения в чеченских обществах, последовавшие после завершения вооруженного противоборства в крае;
- Выяснить характер и степень адаптации чеченского традиционного хозяйственного уклада к переменам, связанным с утверждением парадигмы капиталистических отношений;
- Выявить причины, сущность и направление развития феномена посттравматического состояния чеченских традиционных обществ;
- Исследовать реакцию чеченских обществ на исходившие извне политические и социально-культурные вызовы;
- Определить пути и возможности влияния внешних акторов на специфику развития посттравматизма в чеченских обществах;
- Исследовать тенденции развития политических процессов, участниками которых были чеченские традиционные общества;
- Показать культурные трансформации, произошедшие в среде чеченских обществ после вовлечения их в систему капиталистических отношений.

Хронологические рамки исследования охватывают 50-60-е гг. XIX в. -1917 г. Нижняя временная граница связана с окончанием Кавказской войны и последовавших буржуазных реформ, проводившихся в Российской империи, в том числе на Северном Кавказе. Верхняя временная граница связана с прекращением существования самой Российской империи и её преобразовательных усилий, направленных на трансформацию жизненного уклада народов региона.

Территориальные рамки диссертации представлены территориальным пространством Северного Кавказа, связанным с жизнедеятельностью чеченского народа. Ядром месторазвития чеченцев

³² Сборник сведений о Терской области / Издание Терского областного статистического комитета, под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ, 1878. Вып. I. 386 с.; Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Вопросы общей статистики Терской области. Тифлис, 1888. Ч. 1. 412 с.; Чернявский А.С. Кавказ в течение 25-летнего царствования государя императора Александра II. Санкт-Петербург, 1898. 61 с.; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967. Т.1. 316 с.; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. Ред. А.Л. Нарочницкий. Москва: Наука, 1988. 659 с.; Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. Москва: «Евразия +», 2002. 448 с.; Северный Кавказ в составе Российской империи. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.; История Чечни с древнейших времён до наших дней: В 2 т. /2-е изд., испр., доп. Грозный: Книжное издательство, 2008. Т.1. 828 с.; Чеченцы / отв. ред. Л.Т. Соловьёва, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский ин-т Х. Ибрагимова РАН. Москва: Наука, 2012. 622 с. и др.

исторически были верховья реки Аргун, от которой они расселились по горным районам по обе стороны Аргунского ущелья, закрепившись в пространстве между Осетией и Кумыкской равниной. Если случалось выходить за указанные границы, то только в целях обобщения или прояснения разворачивавшихся в указанное время социально-культурных событий и геополитических процессов.

Методология и методы диссертационной работы базируется на классических методологических принципах объективности, историзма и системности, позволяющих произвести исследование заявленной проблематики, опираясь на систему существующих научно-теоретических подходов и законов, дать теоретическое основание концептам «культурная травма» и «посттравматическое общество» при выявлении их сущностной стороны применительно к Северному Кавказу XIX - первой половины XX вв.

Давая определение концепту «культурная травма», автор отталкивался от идей польского социолога П. Штомпки и российского исследователя М. С. Гусельцевой. Это метафорический конструкт, который использовался для описания социально-культурных потрясений большого исторического масштаба, вторгавшихся в жизнь горских обществ и потрясавших основы их традиционных устоев. Что касается концепта «посттравматическое общество», то автор определил его как переходное социально-психологическое состояние группы людей или индивидов, в каждом случае, разной продолжительности, которые могли вести к разным по характеру и направленности сценариям совладания с переживаемым состоянием. Положительный или негативный сценарии выхода из посттравматического состояния определяли дальнейшее развитие существования данных обществ или индивидов – вели к стагнации или неудаче, или, наоборот, открывали новые возможности движения к благоденствию и полноте мироощущения в системе новых контекстов жизни.

При работе с научной литературой и источниками, позволившими глубоко исследовать заявленную тему, автор опирался также на ряд исторических методов, таких как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, которые позволили выявить истоки исследуемых политических, экономических и социокультурных феноменов и процессов в их конкретно-историческом осуществлении.

Применялся также просопографический метод, который позволил создать коллективный образ изучаемых общественных групп среди горских народов Северного Кавказа.

В связи с тем, что исследование строилось на междисциплинарной основе, автору пришлось использовать отдельные методы социологии для выявления сути таких, например, концептов, как «социальное пространство» или «социальный статус», «социальное поведение». В частности, использовался метод идеальных типов, разработанный Максом Вебером, для понимания, обозначения и систематизации изучаемого объекта. В этой связи названные концепты, первый из них представляет многомерное пространство

социальных процессов и отношений, второй – положение человека в обществе или отдельной социальной группе, третий – действия людей, осуществляемые в соответствии со статусными ожиданиями.

Кроме того, автором использовалась герменевтическая модель прочтения научных текстов и источников под определенным ракурсом. Исходя из того, что герменевтика (др.-греч.) есть искусство толкования, при помощи которого анализируют и разъясняют тексты, в этой связи обращение к этой модели диктовалось тем обстоятельством, что герменевтика позволяет исследовать не только творения авторов, но и исторические события и другие объекты, которые «поддаются» пониманию.

Источниковая база диссертационной работы основывается на документах, обнаруженных и исследованных в центральных и региональных архивах Российской Федерации, а также на опубликованных к настоящему времени документах, введенных в научный оборот.

Весь массив использованных источников автором условно подразделяется на несколько групп: нормативные, делопроизводственные и нарративные источники. В работе все обозначенные группы проанализированы под ракурсом реализуемых исследовательских задач.

К числу нормативных источников относятся указы, инструкции, распоряжения, циркулярные предписания различной направленности, регламентировавшие деятельность кавказских военных, полицейских и гражданских властей, исходившие из центральных имперских министерств, а также из региональных уполномоченных военно-административных учреждений. Такие документы содержатся и были исследованы в Российском государственном военно-историческом архиве в фонде 400 – Главный штаб военного министерства (1866-1919 гг.), в фонде 644 – Военная канцелярия при военном губернаторе Терской области. Циркулярные распоряжения военным, полицейским и иным подведомственным начальникам региона, обязательные к исполнению, исходили из Штаба Кавказского военного округа (фонд 1300) и Главного штаба Кавказской армии (фонд – 14719). В нормативных документах этих ведомств отражена государственная политика Российской империи в отношении Кавказа, что дало возможность исследовать широкий спектр проблем, связанных с управлением различными территориями северокавказского региона.

Кроме того, на примерах указов и распоряжений центральных ведомств (Российский государственный исторический архив), таких как Совет министров (фонд – 1276) и Кавказский комитет (фонд – 1268) можно проследить координацию деятельности кавказских наместников с центральными государственными учреждениями Российской империи. Конкретные проявления такой деятельности и перипетии, связанные с ходом её реализации отображены и сосредоточены в отчетах губернаторов, содержавшие информацию по политико-правовому и социально-экономическому инкорпорированию Кавказа в состав Российской империи.

К нормативным источникам также относятся распоряжения, приказы, решения, сосредоточенные в собраниях фондов Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания, фонд 11– Терское областное правление, фонд 55 – Походный штаб командующего войсками Терской области, фонд 256 – Комиссия по правам личным и поземельным горского населения Терской области, которые были направлены на реализацию исполнительно-распорядительных функций в рамках локации областного характера.

Среди делопроизводственных источников автор выделил и исследовал формулярные и послужные списки военнослужащих, содержащие подробную информацию о прохождении службы, участии в военных действиях, наградах и др., а также сведения о социальном происхождении, семейном и имущественном положении военных деятелей (РГВИА, фонд 1300 – Штаб кавказского военного округа на театре военных действий). Кроме того, к делопроизводственным источникам следует отнести рапорты нижестоящих начальников и отдельных командиров своему начальству по принадлежности. К этой группе также относятся документы, связанные с историческими реалиями Терской области, списки переселенцев и переписка военных губернаторов с различными ведомствами Российской империи, запросы и жалобы крестьянских обществ, позволившие отобразить ход административно-судебных процессов, трансформацию экономического уклада среди горских жителей.

Не менее интересными делопроизводственными источниками являются опубликованные аналитические записки, представлявшие чиновниками различных ведомств в вышестоящие организации или направлявшиеся на благоусмотрение высокопоставленным лицам, в качестве возможного решения тех или иных задач по ведомству, а также отчеты региональных властей, в которых они докладывали о проделанной работе в Петербург, суммировали сведения о вверенных им областях. В эту группу источников можно отнести статистические сборники и календари, содержащие информацию о чеченском населении, по которым можно проследить тенденцию развития различных отраслей местного хозяйства³³. В этой связи важными дополнениями к ним являются опубликованные труды съездов различных профессиональных обществ³⁴. По ним можно было судить об успехах и сложностях, которые имели место на территории Чечни в интересующий нас период³⁵.

³³ Терский календарь на 1896 год. Издание Терского областного статистического комитета под ред. Г.А. Вертепова. Владикавказ, 1895. Вып. 5. 427 с.; Терский календарь на 1899 год. Издание Терского областного статистического комитета под ред. Г.А. Вертепова. Владикавказ, 1898. Вып. 8. 288 с.; Терский календарь на 1900 год. Издание Терского областного статистического комитета под ред. Г.А. Вертепова. Владикавказ, 1899. Вып. 9. 252 с. и др.

³⁴ Труды Первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в г. Тифлисе. Тифлис, 1902. 66 с.

³⁵ Всеподданнейший отчет Наместника Кавказского по Гражданскому управлению Кавказским и Закавказским краем. 1863-1871. Б. м., б. г. 43 с.; Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1898 год. Владикавказ, 1899. 118 с.; Записка «О мероприятиях к возвышению уровня гражданского благосостояния и духовного

К группе нарративных источников были отнесены разного рода записки, дневники, письма государственных и военных деятелей, в которых содержится информация биографического и генеалогического характера. Наиболее ценным источником для биографических исследований в Российском государственном историческом архиве были фонд 866 – Лорис-Меликов Михаил Тариелович и фонд 919 – И.И. Воронцов-Дашков, в которых представлена административно-распорядительная и военная деятельность названных государственных фигур, их вклад и влияние на развитие Кавказа. В данных источниках наибольший интерес представляли сюжеты, связанные с реакцией горского населения на вызовы, исходившие от российской стороны, с проявлениями массового горского сопротивления, устанавливались имена предводителей и определялась территориальная масштабность событий.

К данному виду источников можно отнести публицистические материалы, статьи, отображающие различные стороны жизни народов региона, размещенные на страницах периодических изданий, в частности, в газетах «Кавказ», «Терские ведомости» и других изданиях, направлявших внимание публики на те или иные актуальные для данного времени и региона общественные проблемы.

Вдумчивый аналитический обзор, характеризующий воздействие на горцев происходившей капиталистической трансформации их хозяйства и быта, излагал на страницах местной газеты «Новое обозрение» А. Г. Ардасенов. В дальнейшем его публицистические зарисовки были изданы отдельной брошюрой, которая стала важным источником, показавшим ситуацию в экономике Северного Кавказа³⁶.

В воспоминаниях современников происходившие процессы получали эмоциональную оценку, что даёт возможность понять реакцию общества на те изменения в политической жизни, хозяйственных отношениях и культуре, которые были вызваны проходившей буржуазной модернизацией³⁷. Здесь мы особо отметим воспоминания самих горцев, которые показывали собственное видение, отличной от точки зрения русских авторов на события в крае³⁸.

преуспеяния населения кавказского края» (Предисловие и публикация Л.И. Цвижбы) // Кавказский сборник. Т. 2 (34). Москва: Русская панорама, 2005. С. 145-167; Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов / Сост. и авт. вступ. ст., предисл. и коммент. Д.Ю. Арапова. – Москва: Наталис, 2006. 480 с.

³⁶ В.-Н.-Л. (Ардасенов А.Г.) Переходное состояние горцев Северного Кавказа (Перепечатано из газеты «Новое обозрение»). Тифлис, 1896. 41 с.

³⁷Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. VII. Разд. III. С. 1-57; Успенский Г.И. На Кавказе (Воспоминания <18>83 г., февраль-март-апрель) // Собрание сочинений. Москва: Художественная литература, 1957. С. 150-193; Кривенко В.С. Поездка на Юг России в 1888 году // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1891. Январь. С. 145-203; Гассиев А.А. Избранные произведения. Владикавказ: Ир, 1992. 440 с.; Хетагуров К.Л. Неурядицы Северного Кавказа // Полное собрание сочинений: в 5 т. Владикавказ, 2000. Т. IV. С. 131-158; Милютин Д.А. Воспоминания // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. Санкт-Петербург: Звезда, 2000. С. 589-605 и др.

³⁸Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний Сайида Абдурахмана, сына устаза шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. / Перевод с арабского М.-С. Саидова.

Особо следует подчеркнуть важность источников, демонстрирующих развитие системы образования в крае, направленной на воспитание новых ценностных ориентиров у народов региона³⁹.

Среди недавно вышедших сборников документов, включающих в свой состав все выделенные автором группы источников, касающихся прошлого Чечни, отличается труд «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.)» в котором составители представили информацию, отражающую роль Чечни во внутренней политике России⁴⁰.

Общий состав научных трудов вместе с выявленными группами источников позволил автору диссертации наметить и реализовать поставленные исследовательские задачи.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

Во-первых, впервые в отечественном кавказоведении рассматривается установление капиталистического уклада в горской среде Северного Кавказа под ракурсом переживаемого ими посттравматического состояния, вызванного травмирующими факторами исторического значения.

Во-вторых, указывается, что чеченские общества находились в течение длительного периода времени в ситуации социокультурного травматизма, имевшего циклический характер, что вынуждало людей прибегать к различным сценариям совладания с ситуацией, и одновременно способствовало приспособлению части прежних устоев к новым реалиям за счет роста их вовлеченности в систему приходящих извне новаций.

В-третьих, подчеркивается, что устойчивость конкретной этнокультурной среды к внешним трансформационным влияниям, зависела от имманентно присущей ей жизнеспособности, «вшитой» в её культуру, располагающей или, наоборот, лишенной соответствующих обстоятельствам ресурсов, внутриобщинной социальной поддержки, опираясь на которые, можно было находить способы восстановления и позитивного развития.

В-четвертых, отмечается, что капиталистические структуры, вносимые и встраиваемые в край российскими агентами после реформ 60-70-х гг. XIX в. способствовали становлению и оформлению в Чечне соответствующих менталитету и практике капитализма социальных групп, одновременно сосуществовавших с приверженцами традиционной старины. В связи с этим процесс реагирования посттравматических обществ на вносимые извне социокультурные новации оставался многосложным и незавершенным.

Редакция перевода, подготовка факсимильного издания, комментарии, указатели А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова. Предисловие А.Р. Шихсаидова. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1997. 240 с.

³⁹ Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / Под ред. И.С. Будиловича. Санкт-Петербург, 1905. 370 с.

⁴⁰ Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / авт. коллектив. Москва: РОССПЭН; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2011.

В-пятых, выясняется, что у горцев не было опыта жизни большой исторической длительности в рамках мирного общества. В связи с этим у них не было возможностей для быстрого встраивания и вхождения в «евразийское» культурное поле имперского пространства. Потому их реакция на культурный травматизм была более острой, так как перед ними вставал вопрос о выживании или, по крайней мере, сохранении этнокультурной идентичности.

В-шестых, доказывается, что северокавказский фронт для Российской империи был не только местом встречи и столкновения с социокультурными новациями «Другого», но также построением пространства для «вхождения» их друг в друга через сходные элементы евразийского происхождения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Российские власти вводили в горах Северного Кавказа после распада имамата экономические обязательства перед имперским государством и претендовали повсеместно быть не только правообладателями, но и возглавлять практику местного правоприменения. Имперские власти настаивали на введении в горах формализованных (обезличенных) налогов и разнообразных платежей, выходящих за рамки традиции в сфере публичной жизни, что вызывало психологическое неприятие и политическое сопротивление.
2. Столкнувшись с «твёрдостью» традиционных структур северокавказских общин, хотя и долгое время пребывавших в посттравматической ситуации, Россия сама вынуждена была подбирать способы влияния на существовавшие северокавказские реалии и отказалась от стремления ускорять процессы имперской универсальной стандартизации местных социально-культурных институтов. Управление краем старались устраивать с определенным учётом обычаев и проявлением ментальных особенностей горских народов и всячески поддерживать те этносоциальные общественные силы, которые были подготовлены осознанно проявлять лояльность.
3. Россия стала предлагать больше гибкости, практических удобств и материальных выгод, почти не покушалась на прежние социальные статусы и закрепила приобретенные. Житейской привлекательностью, новыми нравами и соблазнами, которые горцы могли наблюдать и даже участвовать, бывая в больших казачьих станицах, на ярмарках и в северокавказских городах, воздействовали на традиционность и подталкивали к переменам.
4. В целом непреодоленная социокультурная травма в большей части чеченских обществ, обострила для них трагичность ситуации, поскольку люди зачастую прибегали к бесплодным, даже контрпродуктивным стратегиям совладания с травмирующими факторами. Острая фаза борьбы за возрождение прошлой парадигмы бытия миновала, но не была исчерпана, сохраняясь и транслируясь этнической памятью. В то же время, наличие среди чеченцев людей, согласившихся искать пути позитивного возрождения

в системе новых социокультурных контекстов, сделалось барьером для всеохватной общественной фронды.

5. С помощью северокавказских городов, развития промышленности, торговли и сельского хозяйства, культурных и просветительских учреждений, которые в новых условиях постепенно вытесняли занятия, связанные с войной и наездничеством, смягчались нравы горских жителей, формировались новые жизненные смыслы и мотивы жизнедеятельности. Благодаря этому в местных горских сообществах наметился, а затем постепенно совершился прорыв из родовых и традиционных структур в урбанизированные, более гибкие и адаптивные к наступающим новациям. Но, предложенные как альтернатива конфронтационным отношениям, перемены не принимались частью горских обществ, ориентированных на незыблемость традиционных устоев, сохранявших присущие горской культуре принципы эгалитаризма.

6. Кавказ утратил свою монолитность и непримиримость к имперским инновациям и был подготовлен их услышать и опробовать. Культурная несовместимость за годы послевоенного и бунташного взаимодействия лишилась иммунной абсолютности, что открыло новые возможности для двусторонней коммуникации. При том, что не следовало считать Российскую империю «землёй обетованной», о которой бы грезили горские народы. Сближение было трудным, но при этом травматический синдром проявлялся в большей степени у тех чеченских обществ, которые проживая в горах, были более закрытыми и имели меньший опыт взаимодействия с инокультурными системами. Напротив, проживавшие на плоскости общества, в большей степени подверженные российскому влиянию, менее болезненно реагировали на инокультурные вторжения, поскольку были более подготовлены к встрече с ними.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования заключается в том, что был предпринят комплексный анализ всех сторон взаимодействия Российской империи с горскими народами Северного Кавказа на примере чеченских обществ, переживавших специфическое состояние посттравматического периода и реакцию на вторжение в их жизненный уклад имперских социокультурных новаций, вынуждавших искать пути к совладению с новыми условиями и контекстами существования, переосмысливать прежний исторический опыт.

Материалы представленной диссертационной работы могут быть использованы при изучении курсов Отечественной истории и истории и культуры народов Северного Кавказа второй половины XIX века - 1917 г., а также в ходе учебно-преподавательского процесса в высших учебных заведениях Российской Федерации.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена на заседании Департамента координации научно-исследовательской и инновационно-проектной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре ФГБОУ ВО «Пятигорский

государственный университет». Основные результаты диссертационного исследования были апробированы в выступлениях с докладами на ежегодных межкафедральных научно-практических конференциях, проводимых на базе ФГБОУ ВО «ПГУ» в 2023, 2024 гг. По теме диссертационной работы были опубликованы 6 статей, из них 3 из списка изданий, рекомендованных ВАК РФ. Общий объём публикаций – **2, 97** п. л.

Диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности 5.6.1 – Отечественная история. Область исследования: пп: 2. Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности; 3. Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития; 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и её регионов; 7. История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности; 8. Военная история России, развитие ее Вооруженных сил на различных этапах развития; 10. Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений; 13. История взаимоотношений государства и религиозных конфессий.

Структура диссертации соответствует поставленной цели и сформулированным задачам. Работа состоит из введения, трёх глав, шести параграфов, заключения и списка источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновываются актуальность темы, определены объект и предмет исследования, обозначены хронологические и территориальные рамки и приводится методологическая база, анализируется степень научной разработанности темы, отражена научная новизна и положения, выносимые на защиту, описана теоретическая и практическая значимость темы и результаты апробации работы.

Первая глава **«Социально-экономическое развитие Чечни в условиях капиталистической модернизации 60-х гг. XIX - начала XX веков»** также состоит из двух параграфов. В первом параграфе данной главы **«Социальные изменения в чеченском обществе после завершения вооружённого противостояния первой половины XIX века»** подчеркивается, что инкорпорация чеченцев в состав российской государственности ускорила процессы достижения социальной зрелости чеченским обществом. Существовая как территориальная, этническая и культурно-психологическая общность, чеченский народ представлял собой организованную систему социально-политических отношений, институтов, принципов и норм поведения, средств общественного контроля, права, морали, которые позволяли сплотить личность и общество в единое целое. Столь высокий уровень консолидации объясняется быстрыми темпами

общественной трансформации, ставшей реакцией на посттравматический синдром, которые пережили те северокавказские этносы, которые приняли наиболее активное участие в вооружённой борьбе первой половины столетия и понесли в ней наибольшие потери.

Переход к мирной жизни и активное включение в капиталистический способ ведения хозяйства привёл к заметным социальным изменениям у чеченцев. Традиционное вайнахское общество, с его устоявшимися обычаями и традициями, начало меняться и подверглось серьёзной дифференциации.

Во втором параграфе **«Традиционный хозяйственный уклад в период распространения капиталистических отношений»** указывается, что завершение военно-политического конфликта для чеченцев ознаменовало новый этап в их истории, который был связан с не менее революционными по своей сути процессами, что и участие в строительстве теократии. Им предстояло существенно трансформировать хозяйственный уклад, отказаться от привычного и доказавшего свою состоятельность комплексного производства. В силу особенностей исторического развития для чеченцев была характерна производственная автаркия, расчёт на собственную ресурсную базу. В новых условиях перед ними открывался российский рынок, где существовал устойчивый спрос на определённые виды товаров. Производство востребованной продукции позволяло заработать гораздо больше денег и компенсировать отказ от прочих видов деятельности.

Вторая глава **«Посттравматическое состояние чеченских традиционных обществ в период адаптации к мирной жизни в 50-х гг. XIX – начале XX века»** состоит из двух параграфов. В первом параграфе **«Возникновение социально-психологического травматизма в обществах традиционного типа и их взаимодействие с окружающим миром»** показывается, что чеченские общества находились в течение длительного периода в ситуации социокультурного травматизма, носившего циклический характер, постоянно возобновляясь с разной степенью драматизма, а процессы посттравматического обновленчества в чеченском сообществе не были однозначными и не развивались линейно. Потому нельзя было говорить о сборке универсальной модели сосуществования. Обе стороны (горцы и Россия) с разной степенью креативности «врастали» друг в друга и реагировали на предлагаемые или навязываемые условия общежития. Каждая сторона проходила отрезок своего пути с большими или меньшими потерями и приобретениями. Этот путь от навязанного силой сожительства постепенно переформатировался в движение навстречу друг другу или, по крайней мере, в движение в одном направлении.

Капиталистические структуры, вносимые и встраиваемые в край российскими агентами после реформ 60-70-х гг. XIX в. способствовали становлению и оформлению в Чечне соответствующих менталитету и практике капитализма социальных групп, одновременно сосуществовавших с приверженцами традиционной старины. В связи с этим процесс реагирования

посттравматических обществ на вносимые извне социокультурные новации оставался многосложным и незавершенным.

Во втором параграфе **«Реакция внешнего окружения на специфику посттравматического общества»** отмечается, что существовавший вокруг России и Северного Кавказа внешний мир (прежде всего коллективный Запад), враждебно настроенный против России, пытался вредить ей, реанимируя из анналов истории те сюжеты и факты, которые могли бы способствовать деструкции выстраиваемого российско-горского взаимодействия. Внешний враждебный мир так поступал на протяжении многих десятилетий и делает это сегодня. Однако Россия нашла противоядие против вносимой деструкции – выработала в своей политической и социально-культурной практике способность воспринимать и понимать культурное разнообразие и своеобразие Северного Кавказа, не стремясь втиснуть его в жесткие рамки собственных представлений или строить свои взаимодействия с цивилизационно «Другим» на основе матричных схем и заготовленных нарративов, которые способствовали поддержанию взаимоприемлемых способов и практик рационально обусловленного соучастия в выстраивании новых конструкций общежития.

Третья глава **«Политические и культурные процессы в Чечне второй половины XIX в. – 1917 г.»** тоже насчитывает два параграфа. В первом параграфе **«Политические тенденции в послевоенном развитии чеченских обществ»** отмечается, что со времени прекращения масштабных вооружённых действий, в которые было втянуто чеченское население, оно долго не могло избавиться от его последствий, крайне недоверчиво реагировало на действия имперских властей, направленные на их адаптацию к порядкам империи. Существенные демографические потери, снижение материального благосостояния, неминуемые социокультурные коррективы устоявшегося миропорядка – всё это вызывало недовольство и продолжало сохранять в умах людей образ врага, в качестве которого выступала российская власть. Далеко не все смирились с происходящими изменениями: некоторые готовы были с оружием в руках сражаться за понятную и со временем изрядно мифологизированную старину. Традиционный образ жизни наделялся преимущественно позитивными чертами, а события современности трактовались в негативном ракурсе.

Эти настроения породили череду попыток вернуться к «славному прошлому», вылившихся в повстанческое движение, абречество и т.п. проявления протестных настроений. Однако новые социокультурные и человеческие потери заставляли общество постепенно отходить от крайностей и искать способы диалога в рамках устанавливаемого правового поля. Травмирующие воспоминания о войне постепенно угасали, что открывало новые и иные пути существования для чеченского народа, в том числе и в политической жизни.

Во втором параграфе **«Культурные трансформации капиталистической эпохи в жизни чеченского народа»** показывается, что

чеченское традиционное общество менялось, весьма активно адаптируясь к новым порядкам, утрачивая старые и приобретая новые ценностные ориентиры, что не всегда позитивно воспринимались той его частью, которая не поспевала за темпами преобразований. Произошедшие изменения в культурной жизни чеченского общества имели неоднозначные последствия. С одной стороны, можно говорить о безусловных позитивных изменениях, связанных с переходом к мирной жизни. Изменились материальные и духовные потребности населения, чье понимание комфорта и уровня благосостояния существенно отличались от тех канонов, которые имели место ещё в середине XIX столетия. Не опасаясь военного разорения, люди охотно вкладывали средства в строительство жилья, закупали качественные и дорогие вещи, используемые в быту и т.п. Повысился уровень образования, возрос уровень грамотности, формировалась национальная интеллигенция. Но эти процессы коснулись преимущественно проживавших в городах или плоскостных селениях чеченцев, быстрее своих горных земляков, втянувшихся в рыночные отношения.

В заключении приводятся основные выводы проведенного исследования. Буржуазные реформы, которые проводились в России во второй половине XIX века, оказали сильное воздействие на социально-культурные процессы в чеченском этносе. Они ускорили процессы дифференциации, привели к выделению и закреплению новой элиты, которая формировалась как в результате военно-политических событий, предшествующих десятилетиям, так и благодаря новым историческим обстоятельствам, связанным с появлением капиталистического уклада.

Чеченские общества, ещё не оправившиеся от травмирующих последствий военно-политической дестабилизации первой половины XIX столетия, оказались вовлечены в разнообразные процессы капиталистической модернизации. Население было вынуждено адаптироваться к вызовам, которые несла буржуазная модель хозяйствования. Она противоречила прошлому опыту горцев, которые к рассматриваемому периоду сумели выработать сбалансированную модель экономики, способную обеспечивать всеми необходимыми для выживания этноса продуктами и вещами на основе собственных наличных ресурсов. Наступавшие социокультурные изменения вызывали опасения у немалой части чеченцев, которые считали, что вторжение новаций в их традиционную систему ценностей, грозило деградацией и гибелью этноса. Такие алармистские настроения сохранялись и транслировались по каналам исторической памяти, блокируя возможности нахождения выхода из травматического состояния. Лишь та часть чеченских обществ, которая увидела в новых контекстах социально-культурного развития новые возможности, использовала духоподъемные сценарии и мотивацию для успешного и перспективного развития.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора (общий объем публикаций 2,97 п. л.):

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ:

1. Денильханов, И.С. Внешние влияния на социальные процессы в чеченском обществе второй половины XIX века / И.С. Денильханов // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. – 2024. – Т.11. – № 2. – С. 234-239. (0, 37 п. л.).
2. Денильханов, И.С. Культурные трансформации в жизни чеченского общества к началу XX века/ И.С. Денильханов // Известия Северо-Кавказского Научного Центра Высшей Школы. – Ростов-на-Дону, 2024. – № 1. – С. 42-47. (0, 45 п. л.).
3. Денильханов, И.С. Реакция посттравматического чеченского общества на окружающий мир в 60-70-е годы XIX века / И.С. Денильханов // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1. – С. 80-88. (0, 5 п. л.).

Статьи в других научных изданиях:

4. Денильханов, И.С. К вопросу о развитии промыслов в Чечне в пореформенный период / И.С. Денильханов // Университетские чтения –2023: Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции. – Пятигорск: ПГУ, 2023. – Ч. X. – С.43-50. (0, 5 п. л.).
5. Денильханов, И.С. Тенденции в развитии некоторых социальных институтов в чеченском обществе, реализовывавшиеся с конца 50 - х гг. XIX в. / И.С. Денильханов // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – XII. Материалы региональной научно-практической конференции (г. Пятигорск, 24 ноября 2023 г.). – Пятигорск: ПГУ, 2023. – С. 91-100. (0, 65 п. л.).
6. Денильханов, И.С. Ситуация культурной травмы и её переживание обществами Северного Кавказа второй половины XIX века (на примере Чечни) / И.С. Денильханов // Университетские чтения – 2024: Материалы Всероссийской конференции с международным участием (г. Пятигорск, 11-12 января 2024 г.). – Пятигорск: ПГУ, 2024. – Ч. IX. – С. 99-106. (0,5 п.